

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

*аспирант отдела социальной психологии
Института социологии НАН Украины*

**Диспозиционная модель психологического
механизма политической самоидентификации
индивида**

Abstract

The author considers the phenomenon of an individual's political self-identification as a starting point for the formation of political self-consciousness. The principal mechanisms of political identity formation in connection with the personality attitudes and dispositions are represented. The interactions of political self-consciousness levels — ideological, generalized and situational — are traced, as well as the conditions of their formation.

Важным условием становления гражданского общества является политическая активность индивида. Человек может выступать одновременно как самостоятельный субъект политической жизни и как представитель коллективных и организованных субъектов политической жизни (групп, общностей, движений, организаций). При этом политическое функционирование индивида в обоих случаях обусловлено как внешними факторами (факторами политической среды), так и внутренними, среди которых важную роль играет его политическое самосознание — осознание себя в системе политических отношений.

Исходный момент политического самосознания человека — его политическая самоидентификация, которую можно определить как процесс отождествления себя с определенным политическим субъектом, с его идеологией или символами либо уподобление ему. В сущности, это процесс формирования представления о себе как, например, члене, приверженце или противнике определенной политической партии или движения, как оппоненте их лидера; представление о собственном статусе в структуре определенного

политического института (государства либо партийной или избирательной системы), представление о специфике собственного участия в политических процессах в деревне, городе, районе, области, регионе, на территории отдельной части света или планеты, осознание собственной приверженности или антипатии к определенным политическим идеологиям, ценностям, нормам, традициям, обычаям, символам — таким, как флаг, герб, гимн, элементы одежды, жесты и т.п. Вследствие множества такого рода идентификационных процессов формируется ряд политических идентитетов индивида, то есть отдельных представлений о своей тождественности с определенными политическими феноменами, или его политическая идентичность, рассматриваемая как совокупность подобных представлений человека.

Политическую самоидентификацию целесообразно рассматривать как процесс формирования и актуализации уже сформированных социальных установок человека относительно себя как субъекта политических отношений. В целесообразности именно такой интерпретации можно убедиться, обратившись к идеям американских социологов и социальных психологов М.Куна и Т.Макпартленда, которые, собственно, и начали эмпирические исследования феномена самоидентификации личности в социальных науках. По мнению этих ученых, в основе организации и направленности человеческого поведения лежат присущие индивиду установки относительно самого себя или его субъективные определения собственной идентичности [1]. Близкую позицию в этом вопросе занимает российский ученый Г.Дилигенский, рассматривающий особенности социально-политических установок. Как специфический класс последних он выделяет установки на идентичность с макросоциальной общностью различных масштабов — от родоплеменной до национально-государственной, социально-классовой и общечеловеческой, а также комплементарные (дополняющие) к этим аттитюдам установки на “чужие” общности, могущие носить положительный, дружественный, отрицательный, враждебный, индифферентный или амбивалентный характер [2]. Аналогичные подходы распространены и в электоральной социологии, предметом которой выступают электоральные установки — сформированное на базе предшествующего опыта и определенной информации об объекте избирательного процесса отношение избирателей к участию в выборах и объектах выбора, что проявляется в эмоциональных оценках партий или кандидатов и готовности отдать за них голос [3, с. 214]. Речь идет прежде всего о двух теориях электорального поведения — социологической, объясняющей электоральный выбор солидарностью с определенными социальными группами (классами), и социально-психологической, акцентирующей внимание на идентификации избирателей с определенными партиями и идеологиями [3, с. 154, 158]. Таким образом, концептуализация явления политической самоидентификации через привлечение теоретических и методологических разработок, полученных в ходе исследований социальных установок, достаточно устойчива в науке. Тем не менее следует заметить, что подобный способ решения данной научной проблемы далеко не исчерпал своих эвристических перспектив. Прежде всего это касается возможности разработки комплексной модели механизма политической самоидентификации, которая бы раскрывала динамические (процессуальные) и статические (структурные) свойства этого феномена, взаимосвязь и взаимодействие всех детерминирующих его факторов.

Не подлежит сомнению, что эмпирическое исследование политической самоидентификации личности должно осуществляться на основе соответствующей теоретико-концептуальной модели данного феномена. Такая модель в ходе исследовательской деятельности выполняет ряд важных функций: теоретико-трансляционную, эмпирико-селекционную, дескриптивно-репрезентативную, эвристически-инновационную, экстраполяционно-прогностическую, содержательно-организационную и наглядно-иллюстративную [4]. Разработку указанной модели необходимо осуществлять на основании теории или концепции, аналитические, диагностические и прогностические возможности которой концептуально отвечают особенностям, содержанию и задачам данного исследования. Необходимы также высокий и стабильный статус теории в научной среде, ее практическая апробированность при решении аналогичных научных задач.

В научных источниках, где рассматриваются разные аспекты исследований социальной самоидентификации в постсоветском пространстве, в частности теоретическая почва указанных исследований, неоднократно упоминается и используется диспозиционная концепция В.Ядова [5]. Данная концепция в целом отвечает всем указанным выше условиям относительно использования ее как основания для разработки теоретико-концептуальной модели политической самоидентификации как процесса, заданного взаимодействием целого ряда разнообразных факторов. Очерчивание концептуальных контуров данной модели уместно объединить с одновременным анализом ключевых в данном контексте положений диспозиционной концепции.

Одним из таких положений является постулированное В.Ядовым утверждение о системном характере всей совокупности разнообразных отношений, в которых пребывает человек. Эти отношения формируются на основе индивидуального жизненного опыта и проявляются в определенной избирательности и ориентированности в восприятии внешних стимулов и реагировании на них. В концепции Ядова указанные отношения называются “диспозиции”, что происходит от латинского слова “dispositio” (“размещение”) и в данном случае означает склонности, настроенность или, наконец, отношение. Опираясь на анализ мирового и советского опыта изучения различных видов диспозиций и проведенного под его руководством аналитического эмпирического исследования, Ядов выявил три иерархических уровня в диспозиционной структуре личности [6, с. 109–110]. На низшем уровне находятся элементарные фиксированные установки, которые изучались грузинской психологической школой — несознаваемые и лишённые модальности (переживаний “за” и “против”) и связанные с удовлетворением жизненных потребностей в наиболее часто повторяющихся ситуациях.

Средний уровень составляют социальные фиксированные установки (аттитюды), факторами формирования которых выступают социальные потребности человека, связанные с принадлежностью к определенной микро-социальной среде, и соответствующие социальные ситуации, в которых возможно удовлетворение этих потребностей. На основе идей М.Рокича выделяют две разновидности аттитюдов: 1) аттитюды относительно социальных объектов и их свойств; 2) аттитюды относительно социальных ситуаций и их свойств. Поскольку объекты могут иметь различную степень общности, то и социальные установки могут быть более или менее общими. В отличие от элементарных установок низшего уровня аттитюды, соот-

ветствующие концепции М.Б.Смита, структурированы на три компонента: 1) когнитивный, или рассудочный (осознание объекта или ситуации); 2) аффективный, или эмотивный (положительная или отрицательная эмоциональная оценка объекта или ситуации); 3) коннотативный, или поведенческий (определенные намерения, готовность к действиям относительно объекта или ситуации).

Высшим уровнем диспозиционной структуры личности является система ценностных ориентаций человека на цели жизнедеятельности и способности достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни. По мнению Ядова, система ценностных ориентаций, идеологическая по своей сути, формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребности включены в данную социальную среду в широком смысле как интерпретация общесоциальных, социально-классовых условий деятельности) и в соответствии с образом жизни, что делает возможной реализацию определенных социальных и индивидуальных ценностей [6, с. 110]. Построение ценностных ориентаций аналогично построению социальных установок, отличие в этом случае заключается лишь в доминировании когнитивного компонента над аффективным в структуре первых и аффективного компонента над когнитивным в структуре вторых.

Общая для диспозиций всех уровней модель их формирования основывается на теоретической схеме установки Д.Узнадзе. Данную схему следует понимать таким образом: "...в случае наличия любой потребности и ситуации ее удовлетворения у субъекта возникает специфическое состояние, которое можно охарактеризовать как готовность, как его установку относительно осуществления определенной деятельности, направленной на удовлетворение его определенной потребности" [7]. Только в диспозиционной концепции речь идет не об одной установке-диспозиции, а о трехуровневой иерархии диспозиций, симметрично соотносенной с трехуровневыми иерархиями потребностей и ситуаций. Этот аспект концептуально отвечает теоретическим обобщениям, сделанным на основе анализа социологических и социально-психологических подходов к проблеме политической самоидентификации. Причем концептуальная аналогия является правомерной, если политическую самоидентификацию человека рассматривать как процесс формирования социальной установки относительно самого себя в контексте политических отношений, поскольку политическая самоидентификация, подобно процессу формирования диспозиций, также обусловлена: 1) потребностью во включении в политические связи и самоопределении в системе политических групп и общностей; 2) социально-политическими нормами и рамками солидаризации в обществе, то есть социально-политической ситуацией.

Следовательно, результат процесса политической самоидентификации — это политическая самоидентичность как особая разновидность диспозиций личности. Возникает вопрос: как и какие уровни диспозиционной структуры причастны к этому процессу? Учитывая когнитивный, осмысленный характер политической самоидентичности как процесса рассматривать результирующую политическую самоидентификацию как неосознанную и лишенную модальности элементарную фиксированную установку проблематично. Через механизм и свойства данного диспозицион-

ного образования целесообразно концептуализировать частные случаи политической самоидентификации, когда она носит неосознанный характер. Например, неконтролируемое поведение человека в толпе как форма неосознанной самоидентификации с окружающими людьми, проявление своей принадлежности к ним. Однако это предположение требует отдельного обоснования, что выходит за рамки данного исследования. Поэтому далее аспекты, связанные с элементарными установками, рассматриваться не будут. Сосредоточимся преимущественно на анализе политических самоидентичностей в качестве социальных установок и ценностных ориентаций.

В течение последнего десятилетия В.Ядов склоняется к тому, чтобы дополнительно дифференцировать социальные установки еще по двум отдельным уровням диспозиционной иерархии: 1) низший — “активные социальные установки”, которые обеспечивают относительную гармонию “Я” (и как раз поэтому являются нестабильными, высокодинамичными, адаптивными) в отличие от диспозиций высшего уровня, которые максимально актуализированны и регулируют социальное поведение в различных социальных ситуациях в контексте ситуации при относительном сохранении самоуважения и надлежащей самооценки “Я”; 2) высший уровень — обобщенные социальные установки на типичные социальные ситуации и объекты [8]. Активные социальные установки носят ситуативный и изменчивый характер, выполняя адаптивные функции. Правомерно предположить, что при определенных обстоятельствах вероятны случаи возникновения ситуативной и неустойчивой социальной установки человека в политическом контексте (то есть политической самоидентификации). К примеру, индивид, который является гражданином определенной страны, но устойчиво самоидентифицирует себя с другой (или несуществующей) страной, скажем, в момент победы своей национальной футбольной сборной наряду с положительными эмоциями может временно почувствовать себя гражданином собственной страны. После угасания состояния эйфории восстанавливается привычная предыдущая гражданская самоидентичность. Необходимо много разнообразных и повторяемых ситуаций, чтобы на основании их закрепились новая гражданская установка-самоидентичность.

Ситуативность, обусловленность конкретными обстоятельствами и контекстом ситуации демонстрируют образчики политической самоидентификации украинских политиков конца XX века: “я не политик, я — ракетчик” (Л.Кучма), “я не первое, но и не второе лицо в государстве” (А.Ткаченко), “я не политик, я — хозяин” (П.Лазаренко).

Понятно, что более устоявшийся и определенный характер присущ политической самоидентичности, которая по своей природе является обобщенной социальной установкой личности на себя как приверженца (противника) или представителя типичного субъекта или института политической системы общества, участника определенной типичной ситуации в ходе политического процесса в стране. Например, когда человек определяет себя как приверженца или противника определенного политического лидера, партии, движения, монархии, президентской или парламентской республики, унитарного, федеративного или конфедеративного строя, правящего режима или оппозиции.

Аналогичный характер носит осознание себя как участника выборов, референдума, акции гражданского неповиновения, революции, гражданской войны, как пострадавшего от определенного политического кризиса. Политическая самоидентификация именно такого типа представляет наибольший научный и прикладной интерес в современной политической социологии, психологии и практике.

Особое место среди политических самоидентичностей личности занимают те, которые носят ценностный характер и по своей природе являются ценностными ориентациями. Когда человек отдает предпочтение определенным политическим ценностям, тем самым он самоидентифицирует себя как их приверженец. Под политическими ценностями следует понимать объекты реального или воображаемого характера, материальной или идеальной природы, относительно которых субъекты политики занимают оценочную позицию, признают за ними важную роль в собственной жизнедеятельности и считают необходимым наличие их у себя. Среди политических ценностей можно выделить такие, как свобода, равенство, согласие, мир, права человека, власть, суверенитет, индивидуализм, коллективизм и т.п. Собственно говоря, все что угодно может получить статус политической ценности, стоит ему превратиться в предмет политических отношений и начать определять поведение субъектов политики. Политические ценности – это ключевой элемент политической культуры, которая, в свою очередь, детерминирует построение гражданского общества. Система политических ценностей, олицетворяющая политические интересы определенного субъекта политики, представляет собой соответствующую политическую идеологию. Таким образом, тут речь идет об особой разновидности политической самоидентичности – идеологической самоидентичности. Личность может идентифицироваться с целой системой ценностей, то есть определенной идеологией в целом (“я – либерал; консерватор; социал-демократ; националист”) либо только с отдельными ценностями (“я – за частную собственность”). Не составляют исключения случаи, когда личность синхронно самоидентифицируется с отдельными несовместимыми ценностями антагонистических идеологий. Это зависит либо от ее политических знаний, либо от ее интересов.

Следующим ключевым положением диспозиционной концепции является постулирование наличия структурных и функциональных связей между разными уровнями диспозиционной структуры личности. По мнению В.Ядова, когнитивные, эмотивные и конативные компоненты, зафиксированные в структуре каждой диспозиции, одновременно относятся к автономным и качественно однородным подсистемам диспозиционной иерархии: (1) когнитивной подсистеме, охватывающей знания и опыт человека (то есть относящийся к познавательной сфере), (2) эмотивной подсистеме (представляющей совокупность всех проявлений эмоциональной сферы личности) и (3) поведенческой подсистеме (охватывающей проявления волевой сферы личности) [6, с. 111]. Таким образом, диспозиционная иерархия основывается на двух типах связей между когнитивными, эмотивными и конативными компонентами диспозиций: (1) связи между разнородными компонентами в пределах отдельных диспозиций и (2) связи между однородными компонентами диспозиций в пределах когнитивной, эмотивной и поведенческой подсистем. Связи второго типа обеспечивают доминирование высших уровней над низшими. Следуя логике диспози-

ционной концепции, ценностные ориентации детерминируют содержание структурных компонентов социальных установок, прежде всего носящих обобщенный характер. Однако активные социальные установки более изменчивого и ситуативного характера в меньшей степени зависят от ценностных ориентаций. Это “обеспечивает гибкость адаптации личности к изменяющимся условиям деятельности, сохраняя стабильность высшего уровня диспозиционной системы” [9]. Но, в итоге, регулирование социального поведения человека осуществляется всей диспозиционной структурой личности. При этом ведущую регулятивную роль в каждом конкретном случае жизнедеятельности играет соответствующий потребности и ситуации диспозиционный уровень (или диспозиция). Остальные уровни задействованы в регулировании: 1) опосредствованно (если они являются высшими относительно непосредственно регулятивного уровня); 2) подчиненно, если они ниже по отношению к непосредственно регулятивному уровню.

Можно предположить, что самоидентификация личности с несовместимыми ценностями антагонистических идеологий представляет собой проявление “амбивалентности сознания”, на которую обращают внимание Е.Головаха и Н.Панина [10]. Например, декларируя приверженность к рыночной реформе, индивиды склонны также тосковать по социализму. В случае, когда прорыночная ориентация относится к высшему диспозиционному уровню — идеологической идентичности, ностальгия по плановой социалистической экономике, по общественно-политическому строю, при котором Украина и Россия входили в единое культурное и политическое пространство, относится к среднему уровню, а именно — к обобщенным политическим установкам. Существует противоположная иерархия диспозиций индивида: социалистические ценности — идеологическая идентичность, желание иметь частную собственность, что проявляется в поддержке соответствующих партий — обобщенная политическая установка.

Преобладание связей между разнородными компонентами (когнитивными, эмотивными, поведенческими) в пределах отдельных диспозиций будет определять приоритет влияния на электоральное поведение именно этой диспозиции. Если же будут преобладать связи между однородными компонентами диспозиций в рамках когнитивной, эмотивной и поведенческой подсистем, то будет доминировать высший уровень, в нашем случае — идеологическая идентичность. Поэтому регуляция электорального поведения осуществляется всей диспозиционной структурой, детерминируется приоритетным уровнем диспозиций; ведущую регулятивную роль в случае политического выбора при этом играет активная политическая установка, которая должна актуализироваться в момент выбора согласно ситуации и потребности.

Приведенная выше дифференциация диспозиций сходна с положениями относительно многогранности личностной идентификации, выдвинутыми Н.Шульгой [11]. По его мнению, для схватывания определенного аспекта, или среза личностной идентичности существует понятие “идентитет”. Идентичность он выводит как композицию идентитетов — разнообразных их видов — по сферам проявления и направленностям: и приоритетных, и менее значимых, и актуализированных, и латентных. Можно считать, что политические идентитеты — это не что иное, как диспозиционные компоненты, а также обобщенные и активные социальные установки [12].

Поэтому логично предположить, что политическая самоидентификация личности — это процесс солидаризации индивида с определенной политической общностью, сущностью и идеологией социальной группы, ее политическими символами. Сформировавшись в рамках политической социализации, человек принимает определенную политическую роль с определенным набором прав, привилегий и обязанностей. В процессе непосредственного взаимодействия, прежде всего с рядовыми представителями социума, индивид обнаруживает, а затем воссоздает политические ценности, взгляды, идеалы, нормы и установки, то есть формируется его политическая самоидентичность, носящая системный, иерархически структурированный характер. Ее вершиной является идеологическая самоидентичность или совокупность политических ценностных идентитетов. На среднем уровне находится обобщенная политическая самоидентичность, или совокупность идентитетов, отвечающих за самоопределение человека относительно собственного положения в системе политических отношений общества (в форме обобщенных социальных установок). Низший уровень образует ситуативная политическая идентификация (в форме активных социальных установок-идентитетов). Два высших уровня носят более или менее устойчивый характер, тогда как низший — более изменчивый. Степень содержательного соответствия между высшим и средним уровнями политической самоидентичности большая, чем между высшим и низшим или средним и низшим уровнями.

Таким образом, политическая самоидентификация будет прогнозируемой тогда, когда существует содержательное соответствие двух высших диспозиционных уровней в идеологическом смысле. В случае размытости одного из двух высших уровней политической самоидентичности или их содержательного несоответствия (в Украине такой тип идентификации присущ почти трети населения) определяющей является изменчивая ситуативная идентификация. Именно здесь кроется поле деятельности для политических технологов, специалистов по PR.

Путем факторного анализа идеологических ценностей и политических ориентаций можно определить приоритетность влияния определенного диспозиционного уровня на электоральное поведение.

Процесс формирования политической самоидентичности непосредственно связан с процессом социализации: в значительной мере первый процесс является составляющей второго. Поэтому для выяснения динамических аспектов политической самоидентификации (ее генезиса и распада), по нашему мнению, следует обратиться к биографическому методу, позволяющему релевантно выявить детерминанты диспозиционных компонентов и определить генезис и причинность изменения политических идентичностей, а следовательно, способствующему целостному изучению рассматриваемого процесса.

Литература

1. Кун М., Макпартлэнд Т. Эмпирическое исследование установок на себя // Современная зарубежная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. — М., 1984. — С.180–187.

2. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология: Учебное пособие для высших учебных заведений. — М., 1996. — С.163.
3. *Вишняк О.І.* Електоральна соціологія: історія, теорія, методи. — К., 2000.
4. *Резник В.С.* Теоретико-концептуальне моделювання в маркетинговому дослідженні: системно-методологічні аспекти // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1999. — № 4. — С.85–96.
5. *Злобіна О.Г., Тихонович В.О.* Особистість сьогодні: адаптація до суспільної нестабільності. — Київ, 1996. — С.23; Социальные идентификации и идентичности / С.А.Макеев, С.Н.Оксамитная, Е.В.Швачко. — К., 1996. — С.11; *Ядов В.А.* Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен: Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О.Боронова. — СПб., 1994; *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — № 1. — С.40.
6. *Ядов В.А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е.С.Кузьмина, В.Е.Семенова. — Л., 1979.
7. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси, 1961. — С.170.
8. *Ядов В.А.* Символические и примордиальные солидарности... — С.182.
9. *Хмелько В.С.* Диспозиційна концепція // Соціологія: короткий енциклопедичний словник / За заг. ред. В.І.Воловича. — К., 1998. — С.125–126.
10. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие: история, теория и социальная практика. — К., 1994. — С.132–133.
11. *Шульга Н.А.* Этническая самоидентификация личности. — К., 1996. — С.101–109.
12. *Шульга М.* Маргинальность как кризис идентичности // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 166–170.